

Бьянка
Питцорно

Французская няня

Бьянка
Питцорно

Французская няня

*Работая с теми частями книги,
которые неразрывно связаны с «Джейн Эйр»
Шарлотты Бронте, переводчики опирались
на русскоязычные переводы этого романа,
выполненные В. Станевич и И. Гуровой.
Цитаты на с. 7 и 364 приводятся
в переводе В. Станевич.*

Bianca Pitzorno

La bambinaia francese

Prefazione di
Valerio Massimo Manfredi

Mondadori

Бьянка Питцорно

Французская няня

*Перевод с итальянского
Ольги Гуревич и Татьяны Никитинской*

Москва

Самокат

Питцорно, Бьянка.

П35 Французская няня : роман [для среднего и старшего школьного возраста] / Бьянка Питцорно ; пер. с ит. Ольги Гуревич и Татьяны Никитинской. М. : Самокат, 2021. — 528 с. : ил. — Доп. тит. л. ит. — ISBN 978-5-91759-976-2.

Париж, 1830-е годы, идеи Великой французской революции всё еще носятся в воздухе. Девятилетняя Софи и ее мама живут в нищете и кое-как перебиваются шитьем белья на заказ. Однажды, чтобы помочь тяжело больной матери, Софи берется отнести сшитые сорочки в богатый район Парижа. Так она попадает в дом знаменитой балерины Селин Варанс, которая принимает в свою семью осиротевшую девочку и заботится о ней.

Став воспитанницей балерины, Софи знакомится с ее окружением: старым аристократом и революционером Гражданином Маркизом, который обучает всех детей независимо от их социального положения, и чернокожим мальчиком-рабом Туссенем, привезенным из колоний. Казалось бы, теперь, в кругу друзей, Софи может уже не тревожиться о будущем.

Но счастье обманчиво: спустя несколько лет балерина в один миг лишается дома, семьи и свободы. И тогда юная Софи становится верной защитницей Селин, няней и ангелом-хранителем ее маленькой дочери и героиней приключений, за которыми мы будем следить затаив дыхание.

Исторический роман «Французская няня» знаменитой итальянской писательницы Бьянки Питцорно, изящно вплетенный в канву другого романа, написан в лучших традициях классического романа, полного оригинальных отсылок к произведениям культуры и искусства XIX века.

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

© 2004 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano

© 2015 Mondadori Libri S.p.A., Milano

© Гуревич О., Никитинская Т., перевод
на русский язык, 2020

Издание на русском языке, оформление

© ООО «Издательский дом «Самокат», 2021

ISBN 978-5-91759-976-2

Бьянка Питцорно родилась в городе Сассари на острове Сардиния, а живет и работает в Милане. С 1970 года она пишет книги для детей и подростков. У нее вышло уже больше сорока книг, многие из которых имели огромный успех. Бьянка Питцорно считается самым значительным итальянским автором, пишущим для детей в наше время. Ее книги переведены и издаются во Франции, Германии, Испании, Греции, Польше, Венгрии, Корее и Японии. Бьянка — Посол доброй воли ЮНИСЕФ. После окончания университета, где ее выпускной работой стал диплом по доисторической археологии, Бьянка переехала в Милан и поступила в Высшую школу медиакоммуникаций на специальность «Кино и телевидение». Несколько лет она работала на итальянском телевидении, вела программы о культуре «Знание» и «Все о книгах» и передачи для детей «Кто знает того, кто знает?» и «Говорилки», стала одним из авторов «Голубого дерева». У Бьянки Питцорно есть также пьесы для театра, сценарии, песни. С 1970 года, когда вышла первая ее книга, она почти все время пишет. В книгах Бьянки всегда присутствует глубокое нравственное измерение, а дети легко узнают себя в ее героях. Самые известные ее книги для малышей — «Когда мы были маленькими», «Джулия Гав и Феликс Мяу», «Хлорофилла с синего неба», «Кукла алхимика», «Живая кукла», «Дом на дереве», «Школа для Лавинии», «Тайный голос», а для читателей постарше — «Послушай мое сердце», «Диана, Купидон и Командор», «Удивительное путешествие Полисены Пороселло», «У царя Мидаса ослиные уши», «Торнатрас».

С Софи я болтала по-французски
и иногда расспрашивала ее о родине;
но у нее не было дара ни к описанию,
ни к рассказу, и она обычно давала
такие краткие и неопределенные ответы,
что они могли скорее отбить охоту
к расспросам, чем вызвать ее.

Каррер Белл

Памяти моей матери.

*А также Лалли, которая показала мне
великое Саргассово море.*

Предисловие

Самое большое искушение для писателя — взять своих персонажей и поместить в знаменитую, всем известную историю. И делается это вовсе не потому, что у автора «нет своих идей», а — из любви. Если в детстве или в юности, в начале нашего читательского пути, мы полюбили какую-то книгу, ее сюжет и героев, то разместить рядом с ними собственные творения — значит приблизиться к автору, который нас очаровал и увлек, вступить с ним в тесные и глубокие отношения. Это одна из привилегий тех, кто сочиняет и пишет истории.

Бьянка Питцорно создала множество собственных историй. Но на этот раз придуманные ею события в какой-то момент пересекаются с сюжетом знаменитого романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр».

Действие книги Бьянки Питцорно происходит во Франции 1830-х годов, в период Реставрации после Великой революции, когда условия жизни французского народа стали существенно тяжелее: аристократия вернула себе былые привилегии и былую надменность,

в стране, как и почти во всей Европе, заново утвердился монархический строй. А бедняки так и остались бедняками, притом утратили то единственное, что на несколько лет дала им Революция, — звание граждан.

Софи, главная героиня романа, принадлежит к беднейшим — тем, кто живет в нечеловеческих условиях, едва сводя концы с концами. Ей повезло, она научилась читать и писать и развила в себе любовь к познанию еще до того, как ее отец, типограф, погиб на баррикадах во время одного из народных восстаний. Яркие живые описания, проникнутые атмосферой того времени, — кажется, будто читаешь Диккенса или кого-то из французских авторов XIX века. Пропасть между слоями общества настолько глубока, а социальные проблемы настолько серьезные, что в сравнении с ними все наши сегодняшние сложности кажутся не стоящими внимания. Писательница досконально знает наряды описываемого периода, стиль жизни, язвы общественного устройства, культуру, политику. Она воспроизводит все эти признаки эпохи с поразительной точностью и непосредственностью, что делает повествование достоверным и одновременно рельефным и выразительным.

В центре романа — женские образы, однако нельзя не упомянуть и Гражданина Маркиза, аристократа и революционера, создателя вдохновляющего «детского Парнаса» — школы, в которой юным аристократам, буржуа и маленьким оборвышам — всем детям, вне зависимости от социального положения их родителей, предоставлены равные возможности для познания и для развития собственной личности. Даже после своей смерти маркиз де ла Поммельер, как *deus ex machina* — «бог из машины», помогает героям выйти из коллизий,

достойных самого остросюжетного приключенческого романа.

Крестница Гражданина Маркиза, звезда балетной труппы парижского театра Опера, замужем за таинственным англичанином по имени Эдвард — или, по-французски, Эдуар, — окруженным еще более таинственными связями. Он дарит Селин не только дочь Адель, но и чернокожего мальчика-раба, купленного на Ямайке. Мальчик носит имя героя гаитянского восстания против французского владычества — Туссена. Судьба разлучит мать и дочь, но рядом с девочкой останется ее ангел-хранитель, няня Софи, которая последует за ней в мрачное имение Торнфильдхолл, принадлежащее сэру Эдварду. Именно там девочки повстречаются с гувернанткой по имени Джейн Эйр, героиней романа Шарлотты Бронте, и проживут с ней под одной крышей почти год. Эти главы дают нам ключ ко всему роману. Чтобы войти внутрь чужого произведения и развить идеи другого автора, которого уже нет на свете, нужна изрядная смелость. Джейн из романа Питцорно удивительным образом сочетает в себе черты живой женщины и литературного призрака.

А еще в этом романе много писем, коротких и длинных. Они позволяют с помощью особого стиля, свойственного эпистолярному жанру, изящно и лаконично изложить хитросплетения сюжета.

В конце романа все сложности стиля и повествования разрешаются с необычайной легкостью, а в сердце зачарованного читателя остается глубокое и теплое чувство.

Валерио Массимо Манфреди

Во Франції 1830-1837

Сиротка и Балерина

Глава первая

1

ПАРИЖ, улица СЕНТ-ОГЮСТЕН, дом ФРЕДЕРИКОВ,
30 МАЯ 1837 ГОДА

*Мадам,
умоляю Вас, не тревожьтесь о судьбе Адели. Ваша дочь
со мной, в безопасности: никто не причинил и, обещаю,
не причинит ей зла. Поверьте, несмотря на мой юный
возраст, я смогу позаботиться о нашей крошке и убе-
речь ее от любой опасности. Поэтому думайте не о нас,
а о своем здоровье и о том, как лучше разрешить Ваши
трудности.*

*Моя дорогая мадам, надеюсь, что Вы очень скоро
сможете прочитать это письмо. Мне неизвестно, куда
Вас отвезли, но Туссен обещал сделать все возможное,
чтобы выяснить Ваше местонахождение. К счастью,
прежде чем ему пришлось покинуть дом, мы с ним*

успели переговорить и условиться, как будем поддерживать связь. Эти бешеные псы — не знаю, как еще назвать племянников Вашего крестного, — считают его своей собственностью, вещью: будто он картина, ковер или кровать с балдахином. Или лошадь из конюшни Жан-Батиста. И все это лишь потому, что у Туссена черная кожа и он не смог предъявить подписанную Вами бумагу о своем освобождении. Мы судорожно искали ее в ящиках секретера, пока племянники грабили дом, не проявляя и тени уважения к усопшему дядюшке, — а ведь он все еще лежал в своей комнате на втором этаже. Бедный Гражданин Маркиз! И часу не прошло, как наш друг и покровитель закрыл глаза, а его благородные родственники уже набросились на нас, точно звери, не оставив ни времени, ни возможности оплакать его, как он того заслужил своей великой добротой и любовью.

Мы с Тусси были уверены, что документ находится в третьем ящике справа, вместе с дарственной месье Эдуара, который подарил Вам Тусси восемь лет назад, вернувшись с Ямайки. Туссен просил Вас сохранить его вольную у себя, помните? И Вы тогда же показали ему, где она лежит — вдруг она понадобится ему в Ваше отсутствие. Но все ящики секретера оказались пусты. И все остальные бумаги, письма, деньги, Ваши драгоценности — тоже исчезли!

Была еще самая первая дарственная, 1829 года, — та, что удостоверяла Ваше право на владение «чернокожим рабом лет девяти, уроженцем Вест-Индии, по имени Туссен Лувертюр Дешатр Лакруа», но мы и ее не нашли: она завалилась на дно секретера. Ах, если бы мы вытащили ящики и поставили их на пол, как сделал

спустя полчаса виконт Лагардьер! Тогда мы бы сами ее обнаружили, спрятали или уничтожили, и Тусси пользовался бы сейчас всеми правами свободного человека. Но, к несчастью, дарственная оказалась в руках племянников Гражданина Маркиза.

Не обращая внимания на наши возражения, как и на возражения всех слуг, наследники заявили, что эта бумага, за неимением других документов, — единственное подтверждение состояния Туссена. И увели нашего друга с собой, записав его как Вашу «вещь» в счет возмещения ущерба, который Вы, по их словам, им нанесли, якобы обманом выудив у Гражданина Маркиза деньги.

Надеюсь, мадам, что, получив это письмо, Вы скоро сможете сообщить нам, что произошло: успели ли Вы перед приездом родни крестного извлечь содержимое ящиков и спрятать или забрать с собой? Или же племянники завладели ценностями и уничтожили все свидетельства, которые могли воспрепятствовать их алчности?

Я всей душой надеюсь, что Вам удалось забрать деньги и драгоценности и что они станут для Вас неоценимым подспорьем, в какие бы ужасные обстоятельства ни ввергли Вас эти негодяи.

Не беспокойтесь за нас с Аделью. Я спрятала во внутреннем кармане юбки чулок со всеми моими сбережениями; их немного, но до Вашего возвращения должно хватить. Теперь мы живем в доме мадам Фредерик, старой гладильщицы с улицы Сент-Огюстен — помните ее? — муж которой работает в меловом карьере. Она пустила нас к себе, не требуя ни единого су. По правде сказать, Фредерики не знают, что мы в состоянии оплачивать хотя бы пропитание. Я не стала сообщать им о своем

«тайном ларчике». Поначалу мне было неловко пользоваться щедростью семейства, которое и так с трудом сводит концы с концами. Но я решила не притрагиваться к деньгам и сохранить их на крайний случай. Мы ведь сможем возместить гладильнице и ее мужу расходы и еще добавить хороший подарок, когда Вы вернетесь.

Что касается Адели — поверьте, мадам, она ни в чем не испытывает нужды. Прежде чем негодные племянники добрались до детской, мы с Соланж уложили в зеленый сундук для нашей девочки полный гардероб и любимых кукол, и я успела убедить Жан-Батиста спрятать сундук в мастерской по соседству. Позже муж мадам Фредерик помог мне его забрать и перенести к ним в дом.

Разумеется, в сундук не поместились ни лошадка-качалка, ни коляска Пупет. И я не удивлюсь, если завтра они обнаружатся у какого-нибудь старьевщика на блошином рынке.

Почему мы укрылись в доме Фредериков, спросите Вы. Да потому что никто больше не пожелал принять нас, когда алчные родственники, спешно поделив мебель, картины, серебро, карету с лошадьми и все прочее, что можно было увезти с собой, велели нам убираться. Дом, заявили они, отныне принадлежит им, у нас же нет на него никаких прав. Глупцы — они даже не знают, что дом взят в аренду: им придется платить, если они захотят оставить его себе.

Услыхав шум, мадам Фредерик вместе с другими зевачками подошла ближе — поглядеть, что происходит. Тут младший из племянников, маркиз д'Арконвиль, приподнял Адель и поставил на тротуар по другую сторону решетчатой ограды со словами: «Желаю удачи,

соплячка. Иди своей дорожкой и не вздумай больше нам попадаться».

Знаю, знаю, что стыдиться должны они, но... Какое унижение! Наша крошка, изгнанная из собственного дома у всех на глазах, как шелудивая собачонка! Дитя неполных шести лет, до сих пор знавшее лишь любовь и нежность... я бросила на молодого маркиза полный презрения взгляд и, не сдержавшись, крикнула ему в лицо: «Зверь! Стыдитесь!» Он сделал вид, что не услышал, и вернулся в дом. Я взяла Адель за руку. «Пойдем отсюда», — сказала я, показав взглядом и собственным примером, что, когда находишься среди людей, которые радуются твоему несчастью, следует идти с высоко поднятой головой — именно так учил нас поступать Гражданин Маркиз. Куда идти, я и сама не знала. Единственным утешением был чулок, набитый монетами, который при каждом шаге постукивал по моей правой ноге.

Тут мадам Фредерик подошла и погладила Деде по головке. «Идите жить ко мне, — сказала она, — пока не вернется мама этого чудесного ребенка». Вот истинное великодушие, подумала я.

Дом, где живут мадам Фредерик с мужем, невелик и небогат; нас устроили в комнатухе без окон, где места хватает только для стула да узкой железной кровати, на которой нам приходится спать тесно обнявшись, чтобы не упасть. А на обед и на ужин Фредерики не могут предложить нам ничего, кроме картофеля с селедкой. Но обращаются они с нами так любезно, что лучше и не пожелаешь.

Адель не жалуется. Она умница и понимает даже больше, чем хотелось бы. Она ни разу не спросила, почему нас выгнали из нашего собственного дома и почему

Вы не пришли на помощь. К счастью, она не видела, как стража силой оттащила Вас от смертного одра крестного и увела прочь.

Но недавно, когда она молилась на коленях перед сном, я услышала, как она тихонько шепчет: «Пожалуйста, прошу тебя, Пресвятая Дева, сделай так, чтобы мама поскорее вернулась. А ты, добрый Иисус, пошли своих ангелов на бульвар Капуцинов, чтобы они отнесли душу Гражданина Маркиза на небеса».

Как же трогательна и невинна наша девочка!

А ведь Ваш крестный столько раз объяснял ей, что он, как участник Революции, верует не в Пресвятую Деву, а в Высший Разум и в Богиню Рассудка.

Вы, верно, утомились читать такое длинное письмо. Мне и самой жжет глаза, а свечка едва горит. Заканчиваю, пока она совсем не погасла.

От души желаю Вам всего наилучшего, мадам. Дайте знать о себе как можно скорее. И не тревожьтесь за Адель. Я буду ей ангелом-хранителем и смогу защитить ее от любых бед, пусть даже ценой собственной жизни. Ведь я с самого начала Вам это обещала, помните? Когда Вы впервые дали мне ее поддержать, в тот ужасный день... Нет, не хочу сейчас об этом думать! Свеча вот-вот погаснет. Прощайте, мадам. И да ниспошлет Вам Высший Разум столько же добра, сколько его получили от Вас я, Туссен, Гражданин Маркиз и все, кто когда-либо нуждался в Вашей помощи. Да хранит Вас Богиня Рассудка вместе с Пресвятой Девой, Господом Иисусом и всеми святыми Рая.

*Ваша верная и всегда благодарная
Софи*

Глава вторая

1

Пламя вспыхнуло в последний раз, и комнатуха погрузилась в темноту. Софи нащупала стул, который служил ей письменным столом, положила на него перо, закрыла чернильницу, подула на письмо, чтобы чернила скорее высохли, — и в изнеможении упала на кровать. Она старалась не слишком прижиматься к Адели. В крохотном помещении без окон стояла духота, неподвижный воздух был пропитан влажностью.

А в тот день, когда Софи впервые входила в дом, где жила Адель, было так холодно, что ноги у нее посинели, она почти их не чувствовала. Теперь эти далекие воспоминания, хоть она их и отгоняла, выплывали из памяти, вызывая сладостное и одновременно горькое чувство.

Сладостное, потому что в тот ледяной вечер много лет назад, к великому удивлению Софи, молодая и прекрасная хозяйка дома не выставила ее вон, не отругала

за то, что замерзшая грязь с ее ног пачкает сверкающий мрамор, — нет, она подняла ее и усадила на столик в форме полумесяца, так что мокрые лохмотья соприкасались с фарфором и серебряными вазами, полными прекрасных цветов. Потом она встала перед Софи на колени, сняла с нее разбитые башмаки и в клочья изорванные чулки, все в снегу, и нежно вытерла ей ноги одной из нарядных сорочек в складочку, которые мать Софи сшила с таким трудом.

— Не беспокойся, — сказала прекрасная дама, заметив встревоженный взгляд девочки. — Лизетта постирает, и сорочка снова будет как новенькая.

Как все казалось легко в этой теплой, напоенной ароматом прихожей... а бедная вдова Фантина Гравийон в промерзшей мансарде почти без освещения прилагала столько стараний, чтобы не замарать прекрасные сорочки во время шитья! Уже целую неделю мать Софи кашляла не переставая, и каждый приступ кашля сопровождался ручейком крови или крохотными красными брызгами — прижатый к губам платок не всегда успевал их впитать.

Денег на врача не было. Да и зачем было его звать, если они и так знали, что он пропишет лекарства, питательную еду, горячее вино, шерстяные чулки, огонь в жаровне — словом, всю ту роскошь, какую мать и дочь не могли себе позволить уже целый год!

Отец Софи, пока был жив, давал им все необходимое, хотя был простым рабочим: он расстилал бумагу и крутил вал в маленькой типографии на улице Шампонне.

Но полтора года назад, 28 июля 1830 года, Жан-Жак Гравийон погиб, расстрелянный из артиллерий-

ских орудий на баррикадах улицы Риволи. Перед своей смертью он размахивал трехцветным флагом и кричал: «Долой Бурбонов! Да здравствует Республика!»

А что еще мог сделать типографский рабочий, объясняя девочке мать, когда король-узурпатор злоупотребляет властью, распускает парламент и запрещает свободу печати? Только взбунтоваться и выйти на улицу вместе с товарищами, встав на защиту своего труда.

Газетчики тоже отказались выполнять приказ. Не смотря на запрет, газеты все равно выходили, и на первых страницах был протест. Возмущенных парижан на улицах становилось все больше, хотя на их разгон власти послали отряды солдат. Сверху, из окон, народ швырял в солдат все, что было под рукой: горшки с цветами, кастрюли, поленья... На улице ребяташки, перебегая с места на место, бросали в них камни. Когда солдаты, которых теснили со всех сторон, начали стрелять в толпу, выросли первые баррикады, а на другой день их укрепили стволами деревьев, срубленных на Больших бульварах. Чтобы остановить атаки кавалерии, землю посыпали битыми бутылками. Парижане сражались с таким мужеством, что, несмотря на потери, на третий день захватили дворец Бурбонов и Лувр. В час ночи король Карл X и его двор бежали из Парижа.

Так, благодаря отцу Софи и многим другим патриотам, сражавшимся и павшим в борьбе, которую в Париже окрестили «Тремя славными днями», прогнившая династия Бурбонов была сметена с престола и на трон воссел новый просвещенный правитель, принц Луи-Филипп Орлеанский. Свобода печати была восстановлена. Бело-красно-синий флаг Первой республики

вновь развевался над дворцом Тюильри. Поэт Виктор Гюго написал в честь сражавшихся героев трогательную «Оду к молодой Франции».

Но семьи многих мучеников, лишённые поддержки отцов и старших братьев, впали в нищету. Именно это и случилось со вдовой и дочерью Жан-Жака Гравийона.

2

Когда скромная сумма, выданная Комиссией по возмещению как милостыня матери Софи, была потрачена, им пришлось постепенно продать всю мебель, белье, лучшую одежду и переселиться из маленькой, но приличной квартирki на пятом этаже в мансарду того же дома. Фантина пыталась хоть немного заработать стиркой на несколько благополучных семейств в квартале. Стирала она во дворе, который числился за привратницей мадам Анно, и за его использование Фантине вместе с дочкой приходилось носить воду, ведро за ведром, в квартиры всех шести этажей. Работа была тяжёлая, а заработок такой скудный, что матери и дочери едва хватало на еду. Они не могли позволить себе ни огня, ни тёплой одежды; и когда наступили первые холода, мать Софи заболела.

Она так и не поправилась, хотя приступы кашля и лихорадки чередовались с краткими улучшениями — и тогда она шила дамское белье. Уж в этом она была настоящая мастерица! Да и как ещё она могла бы поправить свое положение, не имея сил выходить из дому? Им ещё повезло, что такую работу удалось раздобыть.